

Предисловие

Есть у человека сокровенные чувства, эмоции, к которым так трудно подобрать слова: получается почему-то грубее, не так тонко, не так пронзительно. Но автору книги эти самые слова подобрать удалось, может быть, потому, что его жизнь была связана с музыкой. С музыкой, которая никогда не предаст. В этом ему уж точно повезло.

Повезло с музыкой и мне, когда после Московской консерватории в 1977 году я попал не только в музыкальную редакцию Гостелерадио СССР, но и в группу легендарного режиссера Евгения Гинзбурга. Это было своеобразное счастье «для избранных»: свободно общаться с самыми известными, талантливыми артистами, которых можно было видеть только по телевидению. А тут я оказался прямо в эпицентре такого общения. Так уж вышло, что группа Гинзбурга снимала музыкально-развлекательные программы, которые то запрещали, то пускали в эфир по ночам... А советские телезрители, как и наши любимые артисты-звезды, обожали нас, ждали наши фильмы и программы...

Да, так совпало, что те далекие 70–90-е годы были и для меня «золотыми». Помню, как началась моя исто-

рия с Людмилой Марковной. Гинзбург мне сказал: «Сынок (так в группе меня называли), давай! Встречайся! Репетируй с артисткой! Будем снимать бенефис Людмилы Гурченко!»

И вот я познакомился со звездой «Карнаваль-ной ночи», и началось. Бесконечные репетиции и в Останкине, и у нее дома, и на площадке, — это было настоящее творчество. Тогда я и встретился с удивительно скромным, невероятно талантливым музыкантом Константином Купервейсом. Это был ее муж, в нашей группе все его называли просто Костя. Он был всегда с ней, всегда рядом, как тень, охраняющая ее. Когда мы что-то репетировали, Костя часто, причем потрясающе тактично что-то советовал, садился за инструмент и изумительно импровизировал (он великолепный джазовый пианист, я всегда по-хорошему завидовал его джазовому таланту). Это он сочинял музыку к фильму «Моя морячка», хотя в титрах как композитора его почему-то нет...

Он всегда что-то придумывал, садился за рояль, играл какие-то фантастически красивые, неведомые мне гармонии... Я каждый раз восхищался Костей, а Люся при этом как-то ревниво его резко «отстраняла», и я всегда думал: «Ааа, вот она, богема! Так у них, великих, принято, наверное...»

Так вышло, что дальше я работал с Люсей на всех ее телепрограммах, играл на рояле, синтезаторах (Люся была всегда в восторге от новых модных звуков), аккордеонах, гитарах, сочинял партитуры

для оркестра, которым потом гениально дирижировал неповторимый Жора Гаранян. Мы с Люсей очень сдружились! Помню, она сюрпризом приехала ко мне в гости, в маленькую квартирку на улице Юных Ленинцев. Это был мой день рождения, 25 лет. В комнате собралось человек тридцать: папа, мама, друзья. И вдруг под вечер появилась сама Гурченко! Все обалдели, смотрели в упор, не верили своим глазам, а я был так счастлив! После ошеломительной паузы она взяла яблоко, надкусила и спросила: «Ну хоть покормите?» Всю ночь хохотали, пели... Как забыть ее неповторимое чувство юмора!!! На репетициях, на съемках, на записях...

Свое знакомство с артисткой Гурченко я запомнил на всю жизнь. Делали мы тогда первую запись к ее «Бенефису» в телецентре Останкино, в 1-м тонателе Студии звукозаписи, где рождались потом все наши шедевры... Вечерняя смена начиналась в 18.00. В тот день Гурченко, которая никогда (!) не опаздывала, скромно сидела в зале напротив микрофона. За звукорежиссерским пультом взгромоздился наш могучий Володя Виноградов, невероятно тонкий мастер и при этом крупных размеров человек, с большим круглым лицом, записавший музыку почти ко всем фильмам Рязанова и Михалкова... Женя Гинзбург, нервно улыбаясь, ходил туда-сюда. Мы ждали, когда артистка скажет, что она готова. А Гурченко сидела, и только слышно было, как она ест яблоко (а яблоки она всегда любила). Минут через пятнадцать Виноградов вдруг говорит: «Жень, ну что ждем-то, может,

уже начнем?» Гинзбург нажимает кнопку и в микрофон с пульта спрашивает: «Людмила Марковна, готовы? Может, начнем?» Люся выходит из студии: я, мол, давно готова, но ведь нет звукорежиссера! Да как же, вот же он, наш Владимир Виноградов, звукорежиссер, давно за пультом... А Люся и говорит: «Этот? Нееет, это не звукорежиссер!..» — «Почему?!» — оторопел Женя... Посмотрев пристально с прищуром на Виноградова, Люся с улыбочкой заявила: «Этот?.. Нет, он не может быть звукорежиссером... Он же не еврей!!!» Это был ее юмор. Так мы познакомились, и началась наша замечательная дружба. Володю она потом обожала, говорила, что лучше него ее никто никогда не записывал...

В те годы у Люси было очень много работы. И всегда рядом с ней был Костя. Люся очень много снималась, летала в разные страны на фестивали, концерты, выступления. И всегда, словно добрый талисман, рядом был Костя — муж, друг, организатор, администратор, директор, мамка, нянька, «бодигард», самозабвенно преданный и верный. То, что абсолютно бесценно и постороннему глазу совершенно не видно...

Ошеломительно успешны были Люсины шесть сольных концертов в тогда еще «живом» лучшем зале страны «Россия». Феерические шесть аншлагов, и, конечно же, везде Костя — и за кулисами, и на сцене за роялем, да и в гримерку Люся допускала только его... Помню, я как-то, слушая игру Кости, Люсе сказал: «Какой он классный!», а она мне с гордой улыб-

кой: «Да — он золото! Мне его Бог послал. Папа ушел, а Костя пришел...»

Люся и Костя вместе работали, отдыхали, вместе придумывали новые программы. Я часто бывал у них дома. Мне кажется, она меня как музыканта обожала, моя фотография даже какое-то время висела у нее на стене «любимых мужчин» в коридоре, рядом с фотографиями любимых ею Никиты Михалкова и Саши Адабашьяна... В эти неповторимые, поистине золотые годы мы вместе радовались за Люсю и поздравляли ее с «народной РСФСР», а затем и с «народной СССР», отмечали получение ею Государственной премии РСФСР за фильм «Старые стены». То время было их совместным «золотым полетом». Они были, словно два крыла одной птицы, так потрясающе дополняя друг друга, несмотря на непростой Люсин характер. Проработав с Людмилой Марковной более десяти лет, я это очень хорошо прочувствовал.

Позднее Женя Гинзбург снимал на «Мосфильме» картину «Рецепт ее молодости», на которую Люся его пригласила кинорежиссером. И тут Костя был незаменимым помощником в ее нескончаемых съемках, досъемках, разъездах по международным фестивалям за премиями и наградами, снимая с нее вечные заботы о Леле (маме) и о дочери.

Помню, для меня был ошеломительный необъяснимый удар, когда я узнал, что они разошлись. Я был молодой, близорукий, ничего по-взрослому не понимал. Знал только точно одно, что Костя, скромный и невероятно талантливый музыкант, наполнил Люси-

ну жизнь удивительным светом, добротой, любовью и преданностью и, конечно же, музыкой...

Эти 19 лет (с 1973 по 1992) были их самые настоящие «золотые годы»!

Золотые годы Кости и Люси.

Золотые годы Людмилы Гурченко.

Владимир Давыденко

Глава первая

До Люси

1

Сегодня меня вдруг ноги сами понесли к роялю, к моему любимому Блютнеру, который прошел с моей семьей целую жизнь. Он для меня настоящий живой организм. Этот рояль стал подарком папы на их с мамой свадьбу в 1947 году, в Гродно, где они начали совместную жизнь. Папа, Купервейс Тобяш Давыдович, родился в Варшаве в 1922 году, учился музыке, воспитывался в ортодоксальной еврейской семье со всеми ограничениями, обрядами и условностями. Как папа попал в СССР, я расскажу позже. Мама, Михайлова Елена Константиновна, родилась в Москве в 1917 году, окончила музыкальное училище, подала документы в Минскую консерваторию, но... началась война, и она ушла добровольцем на фронт. Служила в военном госпитале культработником и, конечно же, медсестрой. Пройшла всю войну. И вот подарок от жениха — рояль, ведь оба они — пианисты! Я много слышал от папы, что рояль служил также столом и кроватью (иногда я, маленький, даже спал под ним), и вообще всю их совместную жизнь я только и слышал от мамы: «Не

клади ключи на рояль, не бросай портфель на рояль!» Мама очень любила переставлять мебель в квартире, но, где бы рояль ни оказывался, папа его обнаруживал и снова все аккуратно выкладывал.

Почему я начал с рояля? С этим замечательным инструментом связано мое познание музыки, потому что, когда папа занимался, я спал в люльке под инструментом. В три года я впервые сел за клавиатуру и попробовал извлечь звуки. Рояль переезжал с нами из города в город. Из Гродно мы переехали в Минск, где папа продолжал учиться после двух курсов Варшавской консерватории. Тут я немного забегу вперед, лет этак на 70!

В 2013 году, когда папы не стало, я поехал в Польшу. Мне было необходимо увидеть ту улицу, где папа родился и жил, еврейское кладбище, где захоронены все мои предки, зайти в консерваторию, где папа учился, и, конечно же, увидеть Трешлинку, в которой были сожжены 46 человек моих родных по папиной линии, ведь в этом одном из страшных и зверских лагерей смерти было уничтожено 800 000 безвинных людей. На территории лагеря установлено не менее десятка тысяч безымянных обелисков из гранита в память о невинных жертвах. А рвы, где сожжены люди, до сих пор издают запах... Там в землю вкопаны вентиляционные трубы...

Да, я побывал в Варшавской консерватории и, к моему изумлению, нашел подлинники папиных документов: зачетки, заявления от его мамы и даже свидетельство о рождении моего папы. Это невероятно! Потому

что немцы от Варшавы ничего не оставили. Сожгли все. А тут такое везение!

2

Возвращаюсь в конец 40-х годов. В Минске мама работала в музшколе, а папа учился. Несмотря на голод и бедность, они жили весело и дружно.

30 июля 1949 года рождаюсь я. Рождаюсь в страшных маминых муках, около девяти часов мама была в операционной, перенесла клиническую смерть, а в это время на улице гремел гром и беспрестанно лил дождь. Так мне этот день описывала мама. Папу постоянно спрашивали, кого спасти, сына или жену? Я не знаю, что он отвечал, но, слава Богу, спасли обоих.

После окончания консерватории по распределению папу направляют на работу в таджикский город Ленинабад, сейчас Ходжент. Этот период жизни я уже немного помню. Арыки, по которым текла коричневая вода и в которых детишки ловили маленьких змеюшек, глиняный дом из одной комнаты, где жили мы все впятером (еще бабушка), сад, утопающий во фруктовых деревьях, жара и масса всяких насекомых: скорпионы, фаланги, змеи, каракурты, которых мы особенно не боялись. Бывало, куры собирались гурьбой, начинали кудахтать и долбить клювами... «Скорпион доедают», — говорил старый таджик. Местное население любило моих родителей. Папа очень смешно пытался говорить по-таджикски, носил тубетейку и играл народные мелодии. Кстати, потом он стал работать в на-

родном оркестре Таджикистана! Мама с любовью учила музыку маленьких детей.

Прожив там несколько лет, мы захотели вернуться в цивилизацию. Папа купил квартиру во Львове, куда мы и переехали — конечно, вместе с роялем. Сегодня я с трудом понимаю, как можно было «купить» квартиру в 1954 году? То время я помню очень хорошо. Я сдам экзамен в музыкальную школу-десятилетку для одаренных детей. Да-да, тогда были и такие! Радость, фантазии, планы на будущее! Как я ждал 1 сентября, собираясь с букетом цветов идти в школу! Но... увы. 31 августа, играя во дворе, я упал с дерева и тяжело сломал руку! Первое сентября прошло без меня. К середине октября рука срослась, и я пошел в школу, где проучился три года. И до сих пор помню фамилии всех учеников нашего класса по алфавиту!

Папа всегда хотел большую семью и много детей. Мечтал о дочери. 5 апреля 1959 года рождается моя родная сестра — Диночка, папа назвал ее в честь своей матери. Радости не было предела! Счастье! Но ей не суждено было прожить и года.

В нашей семье поселилось горе. Мама непрерывно плакала, а папа часто молча смотрел из окна квартиры. Я не понимал, куда он смотрит. А смотрел он на кладбище, на могилку Диночки, которая была видна из окон нашей комнаты.

В то лето я был в пионерском лагере. Вдруг приезжает папа, отводит меня в сторону и, опустив глаза, спрашивает: «Ты смелый пионер?» «Да!» — говорю я. «У нас больше нет Диночки...» Он взял меня за руку

и сказал: «Мы едем домой!» Это было первое потрясение в моей жизни. Больше я уже никогда не бывал в пионерских лагерях.

3

Трагическое состояние мамы стало пугать папу, и он решил уехать из Львова. Он нашел объявление в газете «Советская культура» о приглашении педагогов с предоставлением квартиры — мы уехали в Петрозаводск, в Карелию, конечно, вместе с роялем. Правда, первое время мы жили в двух классах музыкальной школы, а потом получили хорошую квартиру. Жизнь стала налаживаться. Правда, уже в Петрозаводске я часто видел тихо плачущую маму и утешающего ее папу. А иногда и стоящего у окна папу с закрытыми глазами.

Родителей все уважали, мы обросли хорошей, веселой компанией. Меня приняли в музучилище на год раньше, как способного ученика. Надо сказать, что это было, наверное, самое безмятежное, доброе и веселое время нашей жизни. Родители работали, я учился, почти каждое лето мы отдыхали у моря по два месяца, ведь у педагогов большой отпуск. Люди в Петрозаводске добрые, город очень чистый, аккуратный, карельская природа потрясающая... — и вдруг!

Папу вызывают в органы. Тут я опять вернусь в прошлое. У моей мамы отца арестовали в 1937 году. Он умер в лагере, а его дочь, моя будущая мамочка, ночами играла в кинотеатре, чтобы заработать деньги на посылки в лагерь. Его уже три года как не было на